

Вячеслав Лямкин

Родился в 1981 году в селе Павловск Алтайского края. Окончил Барнаульский государственный педагогический университет и Бийский техникум лесного хозяйства по специальности «техник-лесовод». Публиковался в журналах «Алтай», «Бийский Вестник», «Сибирские огни», «Приокские зори» и др. Лауреат литературной премии имени святителя Макария Алтайского (2018). Живет и работает в Бийске.

КОНЬ С ГОРЫ БАБЫРГАН

(первая часть)

1

Пикассо его называли за то, что умел хорошо рисовать. А Кочергой — по фамилии.

Однажды, когда Пашка только начал ходить в школу, он вернулся после занятий домой, зашел в ограду и увидел петуха, горделиво преградившего ему путь.

— Кыш, барон-фанфарон! — замахнулся на него Пашка рюкзаком. — Иди к курам!

Но петух не собирался повиноваться, наоборот, определив в Пашке соперника, захлопав крыльями, кинулся в атаку.

Отбившись рюкзаком, Пашка пробрался к дверям, но замок, как назло, заело. Зная строптивый характер петуха, он ретировался, вскарабкавшись по лестнице на дровяник, и стал ждать, когда драчун уйдет. Ждать пришлось долго. Сотовый разрядился,

и школьник, достав альбом и карандаш, начал рисовать птицу. Получилось неплохо, но главное, Пашке понравилось переносить на бумагу свои чувства и мироощущение. Петух получился забавный, как из сказки: «Несу косу на плечи, хочу лису посечи».

И вот заканчивается седьмой класс, а Пашка уже — настоящий художник. Какое-нибудь мероприятие в школе или праздник — девочки из класса сразу бегут к нему, чтобы он оформил плакат на подходящую тему. Однажды нарисовал статую «Родина-мать зовёт!» на День Победы, так все охали, как точно и правдоподобно получилось. И действительно, как только у него в руках оказывались карандаш и листок бумаги, он творил чудеса.

Но больше всего Пашке нравилось рисовать коней. Всяких разных: с крыльями и львиными головами, больших и маленьких, смешных и статных — например, как русские тяжеловозы. При любом удобном случае Пашка выуживал истории про коней — счастливые и трогательные, а повесть «Внук Тальони», которую случайно нашел на крыше бани, прочел от корки до корки на два раза.

Пашка — не под стать ровесникам — любил читать и каждую историю переживал как собственную.

А недавно на его столе появилась старенькая потрепанная книжица «Легенды Алтайских гор», принесенная матерью с работы. Пашка увлекся ею так, что по ночам ему даже начали сниться дикий сны. То он Хан Теле с золотым мечом, то богатырь Сартакпай с косою до земли, но один сон повторялся намного чаще.

...Пашка стоит на вершине горы и всматривается вниз, взглядом ища пасеку дяди Антона, которая расположена неподалеку от подножия предгорной вершины. Вокруг темно, Пашка боится потеряться. Он пытается кричать, но крик его тонет в ночи. Вдруг земля начинает трястись, сыплются камни и из скалы появляется богатырь (Пашка сразу узнает в нем Бабыргана). Он ведет за собой коня — скакун тот, как ночное небо: с яркими звездами по всему туловищу да с черными пронзительными глазами.

Бабырган улыбается:

— Не бойся! Вот тебе мой конь. Садись, он тебя доведет до пасеки. И смотри, следи за ним. Это самый лучший конь. На нем я догнал красавицу Катунь. Он никогда меня не подводил.

Пашка садится на коня, и жеребец, взвившись вверх, мчится по звездному небу. Они спускаются на землю, и Пашка с удивлением узнает поле неподалеку от дома.

На этом сон заканчивался. Пашка просыпался и долго лежал с открытыми глазами, наполняясь уверенностью: звездного коня он скоро увидит снова...

И теперь поле, раскинувшееся позади их огорода, притягивало как никогда.

Сегодня вновь приснился этот конь — как здорово лететь на нем по ночному небу, аж мурашки пробирают до пят!

Пока мать и отчим спят, Пашка, прокравшись по дому, выбежал во двор, прыгнул на велосипед и помчался к реке встречать табун, который выпускают с расположенной неподалеку конефермы: а вдруг он снова встретит того самого коня...

Поднявшись от Катуня, густой туман заполнил луговые закутки, затянул белой дымкой поле на окраине поселка и прикрыл хаос весеннего половодья — затопленные талой водой острова и прибрежные кустарники.

В утренней тиши первые лучи солнца только начали разбивать непроглядную густую завесу.

Пашка размещается у старой коряжистой ивы и ждет, когда вдалеке забренькает ботало, табун лошадей появится из густого тумана и сонно потянется к водопою.

За белой пеленой раздается отдаленное фырканье, топот копыт, ржание, и появляются кони. Пашка всматривается в табун пристально — может, произойдет чудо и появится чудесный конь, на котором он летал во сне. Но чуда не свершилось — любопытный белый жеребец подходит совсем близко, щиплет траву, трясет гривой, машет хвостом, отгоняя от себя мошкарю.

Конь осторожно приближается к мальчику, обнюхивает его и, прижав уши, проводит губами по густой шевелюре. От животного пахнет конюшной. Пашка протягивает руку, хочет погладить, но конь мотает головой и, недовольный, что на ладошке ничего нет, исчезает в тумане.

— Пашка! Твою налево! Домой дуй! — раздался голос отчима, дяди Сани, вышедшего во двор. — Мать зовет! В школу опоздаете!

Разгоняя табун, мальчишка возвращается домой. Ему еще вести сестру и брата в школу.

Юлька и Сеня погодки. Сеня ходит во второй класс, а Юлька в первый.

Пашка забежал в комнату, быстренько надел свитер и брюки, схватил рюкзак и, остановившись на мгновение, осмотрел комнату — вроде ничего не забыл.

Удостоверившись, что всё положено, на ходу выпил стакан молока.

— А тебя не стошнит? — спросила Юлька.

— Нет. У меня желудок крепкий, — ответил Пашка, подтолкнув брата и сестру к дверям. — Ну, чего как черепахи. Живей, мелюзга!

Как обычно, опоздав на пять минут, залетел в класс.

— Заходи-заходи, Кочергин, — говорит новая учительница по русскому языку и литературе, Елена Александровна, недавно устроившаяся в школу и уже привыкшая к его опозданиям. — Что на этот раз?

Пашка садится на свое место, опускает голову — врать сегодня неохота. Заметив заляпанные лошадиным пометом кроссовки, прячет их под парту.

— Да он опять своих коней ходил смотреть! — вместо него ответил увалень Витька Соломатин, которому Пашка зачем-то рассказал про сон, и теперь Витька посмеивается над ним.

У Витьки мать работает директором магазина в городе. Витька у нее единственный сынок, разбалованный донельзя. Недавно она купила ему дорогую приставку, и потому Витька не выходит из дома, режется в свой «Плейстейшн».

Запулив в Пашку жвачку, Соломатин смеется:

— Он же у нас любитель прекрасного! Вы не чувствуете, как пахнет? — добавил Витька, заметив Пашкину запачканную обувь.

В классе раздались смешки.

— Тише! — сказала учительница. — Ну, Кочергин, каких коней ты ходишь смотреть?

Но Пашка молчит. Он понимает: если начнет рассказывать, то из него сделают посмешище.

— Зовите его Пикассо, может, на это откликнется, — не унимался Витька.

— Не хочешь говорить? Тогда тебе персональное задание: написать про коней сочинение, — сказала Елена Александровна. — А теперь продолжим урок.

Местные мальчишки над Пашкой частенько подсмеивались, но всё равно звали поиграть в футбол. Его поначалу ставили на ворота. Вратарь из него вышел не ахти какой — атака идет, а он на птичку пеструю засмотрится и пропустит гол, да еще промеж ног.

Андрюха, одноклассник, злился:

— Юбку у матери возьми! В следующий раз наденешь!

Кто-то из мальчишек подтрунивал:

— Чего вы хотите! Он натюрморт присматривал! Ха-ха!

Но Пашка не обращал на них внимания, думая о своем.

***

Дом Кочергиных стоял на дальней улице, расположенной ближе к оврагам. Этот район в поселке называли Свалкой — одно время под овраг валили всяческий мусор. Потом опомнились, воткнули табличку «Свалка запрещена! Штраф 1000 рублей».

Мусор валить перестали, место это затянуло двухметровой крапивой и кленом, но время от времени местные мужички откапывали какую-нибудь железяку и отвозили ее на металлоприемку, чтобы немного разжиться деньгами.

Мать Пашки, Вера, на вид ей было чуть за сорок, трудилась в местном продуктовом магазине продавщицей по графику: неделя работа, неделя отдых.

Отчим дядя Саня, худощавый и жилистый, как веревка, работал у местного фермера на КамАЗе. Единственная беда отчима — он время от времени уходил в длительные загулы. Вера сошлась с ним, когда сыну было пять лет. Через год у Пашки появился братик Сеня, а еще через год — сестренка Юлька, с которыми он теперь зачастую нянчился.

Когда Вера работала, с детьми сидела родительница дяди Сани бабка Зина — злая, вредная старуха, гонявшая Пашку по всяко-

му поводу. То ей надо палас пропылесосить, то полы помыть, то за хлебом сходить в магазин. И Пашка первое время слушался, а потом ловил момент, как бы слинять из дома. Бабка Зина злилась на Пашку и называла обидным словом «недотепыш».

И мать, и дядя Саня возвращались с работы поздно вечером, поэтому уроки Сеньке и Юльке помогал делать Пашка.

Юлька была смышленнее брата и всё схватывала на лету. А полненький Сенька к учебе сильно не тянулся и, когда пошел во второй класс, за лето позабыл все буквы и разучился читать. Пашке пришлось с ним заново учить алфавит. Зато в телефонах младшие разбирались лучше него.

Всё бы ничего, но в семье дружно жили от и до дяди Саниных загулов. А когда они начинались, всё шло в тартарары. На весь поселок было слышно, что дядя Саня загулял. Вера начинала с мужем ругаться, а он терпеть не мог, когда в чем-то упрекали, и «поддавал» еще больше. И тогда доходило и до битья посуды, и до летания сковородок.

В загульные дни детей уводили к бабке Зине. Но так как Пашка наотрез отказался гостить у злой бабки, то летом ночевал в предбаннике, а когда становилось холодно, приходил к материнской подруге тете Ире. У той росли два сына: Андрюха — Пашкин друг, и Вовка, младший. Подруга по бабьей солидарности шла на встречу, а Вера же выбивала дурь из своего мужика.

Это могло длиться несколько дней. Потом, когда дядя Саня выходил из «шторма», они с Верой прибирались в доме, скрывали следы разборок и забирали детей домой. Иногда, когда дело доходило до серьезных баталий, к ним приезжал материн брат дядя Антон, живший в Шульгином Логе. И тогда отчим сразу притихал.

— Всё, Антоха, ухожу в штиль! — говорил дядя Саня и заваливался на диван, укрываясь одеялом. — С этого дня, считайте, я другой человек.

Вериного брата он уважал, но больше боялся. С Антоном раз была у них стычка, когда дядя Саня хотел показать свой гонор. Дядя Саня служил в морской пехоте и этим всегда козырял. Мать в тот день не выдержала, позвонила брату и тихо сидела, ожидая Антона. При виде шурина отчим вскипел:

— Чего приехал! Хозяин здесь я! Сами разберемся!

Тогда Антон попросил его выйти за баню.

Вернулись по отдельности. Отчим с хорошими ссадинами на ребрах и щеке. Но после этого он, когда напивался, ни разу не тронул мать даже пальцем, и когда видел Антона, снижал обороты.

Пашка давно приучился к самостоятельности. С первого класса школы матери было не до него. Родился Сенька, да вдобавок она еще забеременела Юлькой, поэтому, приходя домой, Пашка хозяйничал: делал уроки, прибирал в доме, задавал курам пшеницы и засыпал, не дождавшись материнского внимания. Вера, застав сына спящим, — иногда за столом, иногда где-то в игрушках — просила мужа перенести его на кровать, ложилась рядом и подолгу слушала его дыхание, рассматривая черты лица. Да, он похож на своего отца, погибшего в автокатастрофе, когда сыну был годик.

Всё это не могло не отразиться на парнишке, и Пашка в тринадцать казался старше своих лет. Может, оттого в выражении его лица много серьезности.

Очередной загул отчима долго не заставил себя ждать. Несколько дней пришлось ночевать у тети Иры.

— Здравсьте! — заходя в дом, Пашка поздоровался с родителями. Малышню уже забрали от бабки Зины, и они смотрели мультики в своей комнате.

Дядя Саня, лежа ничком на диване с мокрым полотенцем на голове, простонал что-то в ответ. Перед ним стояла банка огуточного рассола.

— Сынок, заходи, — встретила его мать. По лицу было видно, что она отчитывала дядю Саню.

— Что на этот раз? — спросил Пашка у матери.

— А, ну его! — Вера обессиленно махнула рукой. У нее уже не осталось сил бороться с мужем. — Дубленку, в прошлом году которую покупал, сдал. Как там тетя Ира? — спросила она, хозяйничая на кухне.

— Тебе привет передавала, — ответил Пашка, проходя в свою комнату. — Опять просила, чтобы я ей белую иномарку нарисовал. Говорит, визуализация. Повесит, говорит, на стенку и будет смотреть и думать. Может, быстрее купит...

— Куда им! Серега с вахты приезжает, они то шмоток ненужных накупят, то проедят.

— Слушай, может, нам тоже купить белую иномарку? — дядя Саня встал с дивана и подошел к умывальнику.

Так было всегда: пропившись, он строил грандиозные планы. То летнюю кухню грозился соорудить, то, как сегодня, машину купить. Но до исполнения почему-то не доходило. То денег не хватало, то появлялись другие планы.

— Нам? — удивленно переспросила Вера. — Куда там, ты больше пропиваешь.

— Ну, хорош. Заладила. Кредит возьмем.

— А много надо? — Вера вроде бы и противилась, но в то же время в голосе чувствовалось согласие.

— Всего-то пустяк, двести тысяч! Я даже знаю, где дадут без поручителей. Будем ездить отдыхать.

— Паш, в Горный хочешь съездить? — спросила мать, но, не дождавшись ответа, зашла в комнату к сыну. — Иди поешь, я блинов напекла.

Пашка сидел за столом и рисовал.

Вера подошла сзади и заглянула за плечо сына. С листа бумаги на нее смотрел конь с глубокими пронзительными глазами. А рядом, держа коня под уздцы, стоял средневековый воин.

— Кто это? — спросила Вера, потрепав сына по голове.

— Это богатырь Бабырган. А это его конь. Последнее время мне снится.

— Когда кони сняты, это хорошо. Ты слышал? Летом в Горный Алтай поедем! Отец вон обещает нас свозить. Сказал, пить бросает, на машину будет копить.

Пашка невнятно буркнул в ответ и продолжил рисовать. Конечно, он слышал и про Горный Алтай, и как отчим решил взять машину.

«А на скутер всего-то надо двадцать», — подумал Пашка.

Пять у него есть — скопил за год. На них он хотел купить мольберт, холст и попробовать рисовать красками. Если на то пошло, можно их потратить. Но мать, видно, забыла про свое обещание — она тогда ответила ему: «Рассчитаюсь за стиралку, а там видно будет». За стиралку рассчиталась, а про скутер забыла.

Суббота проходила в штатном режиме. Топили старенькую баньку. Отчим всё пытался из бани сделать «конфетку», но то денег не хватало, то еще дела появлялись. Хотя пол давно пора было менять, да и котел дышал на ладан.

Пашка чувствовал, как мать в последнее время от него отдалась, разрываясь между дядей Саней, младшими братом, сестрой да работой. Он и не помнил, когда она последний раз интересовалась, как у него дела в школе, сделал он уроки или нет.

Вера в этой жизненной суматохе — работа, семья и снова работа — совсем закружилась. Она и не помнила толком, когда последний раз отдыхала — всё бегом да бегом, в погоне за несчастной зарплатой в восемнадцать тысяч, которой и хватало ровно на полмесяца. Вера бралась за любые подработки — полы помыть или напарницу подменить, никогда не отказывалась. Про детей думала: обуты, одеты, не голодные, что еще нужно. Остальное подождет до лучших времен. А где эти лучшие времена?

Отчиму вообще не до Пашки. Когда не пьет, с утра до вечера за рулем. Скажет сухо, когда надо что-то сделать — дрова перетаскать или управиться по хозяйству. Лишь после своих гулянок он иногда звал Пашку посидеть во дворе у дровяника и безбожно клялся бросить пить.

— Что я, Паха, не понимаю, что ли? Сам себе враг! — говорил дядя Саня. — Но с этого дня — новая жизнь. Ни капли... ей-богу! Буду копить тебе на новый телефон, а то вон ходишь со старым, экран, вижу, разбит.

Пашка сидел и смотрел, как отчима лихорадит. Ему становилось его жалко. И каждый раз он верил дяде Сане — верил, что его срывы закончатся и они заживут дружно. После этих обещаний как-то становилось спокойней, и Пашка уже не хмурился, радуясь больше за мать, чем за себя.

Что касается единственного друга Андрюхи, он, хотя и дружил с Пашкой, больше возился с другими мальчишками. У кого появится что-то интересное, к тому и переметнется. Прежде у Сашки Варламова был частым гостем — тому настольный хоккей купили, и они бились с ним с утра до ночи. Последнее время с Витькой

Соломатиным в приставку режутся, пока родители на работе. И в классе теперь не разлей вода...

2

С наступлением весны стало больше мест, где можно спрятаться. За покосившимся заборчиком из горбыля у края оврага лежало огромное бревно, на котором Пашка любил посидеть в одиночестве, помечтать.

Одним из апрельских вечеров, взяв с собой бумагу и карандаши, Пашка уединился за огородами, устав от суеты в доме. С высоты было видно раскинувшееся озеро, берег которого застроен элитными коттеджами. Их жители летом носятся по озеру на водных квадроциклах или неспешно, словно прогуливаясь по парку, плывут на плоских досках. Но сегодня Пашка в ту сторону даже не смотрит, взгляд его направлен на поле.

Отсюда видна протока Катуня, берег которой окаймлен ивняком и кустами облепихи. Вдали, за непролазными, разбросанными по руслу реки островками заходит солнце.

В лучах багряного заката, пробивающегося сквозь деревья, по огромному полю без присмотра бродят кони. Беспokoйно ржут, щиплют еще пожухлую прошлогоднюю траву, с которой недавно лишь сошел снег, размеренно переходят с места на место, двигаясь вдоль пологого пригорка.

Это лошади местной конефермы «Катунь».

Стригунок черной масти на длинных непослушных ногах, иногда заплетающихся друг о дружку, неуклюже тыкался в вымя лошади, прижимал свой черный кудрявый хвостик и, устав стоять, падал. Снова вставал, бежал за матерью, врезаясь в нее и постоянно путаясь перед ногами.

Это рассмешило Пашку, и он решил его срисовать. Только взял в руки карандаш, как раздался короткий посвист, из-за стога сена показалась рыжая голова.

— Ты чего здесь? — удивился Пашка. — Чего не у Витька?

— А ну его! — Андрюха состроил недовольную мину. — Обвинил меня, что я джойстик сломал. Сам кнопки жал что есть

дури, а теперь крайних ищет. Я чего пришел: дядь Коля звонил, просил коней подогнать. Сказал, по сотке даст. И дело для нас есть. Айда ходим.

Спустились в поле. Андрюха, замахав руками, подогнал отбившегося полугодовалого жеребенка, зайдя со стороны реки, направил табун по полю вдоль крутого косогора. Пашка двигался со стороны бугра. Километра через три косогор стал положе. Лошади хорошо знали дорогу и охотно шли к вечерней кормежке. Ребята загнали табун на бугор, направив его по окраине к ферме.

Дядя Коля — высокий, прихрамывающий на одну ногу, похожий чем-то на жердь мужик с уставшим, но добрым взглядом. Его морщинистое лицо уже успело загореть на ярком весеннем солнышке и приобрести бронзовый оттенок. Из-под засаленной вязаной шапки торчали седые волосы. В поселке дядю Колю так и звали — Копна. Жил он вдвоем с женой Людмилой Павловной, работающей завучем в школе. Детей у них не было, дядя Коля всю свою любовь отдавал лошадям и много времени проводил в конюшнях. Поселковские женщины поговаривали — мол, у него где-то в Мурманске живет взрослый сын от первой жены. Служит на подлодке и приезжает очень редко.

Дядя Коля на местной конеферме незаменимый человек. Он и за ветврача, и за конюха, и за завхоза, и коней объезжает. Смотришь — ни свет ни заря, а он уже на работе, обходит конюшни.

— Директриса только его и слушается. Советуется с ним, понял? Говорят, жеребцов и маток для конезавода он отбирает, — рассказывал по дороге Андрюха.

Дядя Коля закрыл загон за лошадьми и дал пацанам по сотке, потрепал их по головам:

— Что б я без вас делал! Домой придете — осмотрите себя. Клещей, говорят, уйма нынче.

Дядя Коля присел на скамейку, остановив на мгновение взгляд на заходящем солнце.

— Заморозки еще будут, — определил он по какой-то примете и, повернувшись к мальчишкам, спросил:

— Рассказывайте, как дела? Знаю, Павел-то по математике отличился. За контрольную вчера тройку схлопотал. Павловна сказала. Ты давай учи, в люди выбивайся.

Дядя Коля помолчал. Затем продолжил:

— Кстати, сегодня с директрисой разговаривал. Она на лето ставку пастуха подтвердила. Выделяет на нее шестнадцать тысяч. Так что, ребятки, вам работа на лето наклеилась! С первого мая начнете. Я уже договорился.

— А как же школа? — спросил Андрюха.

— Ну а чего школа? Никуда от вас не денется. Первое время будете с учебы приходиться и пасти. Травы пока всё равно мало. К десяти выпускать будем. Часика три побродят, а там вы подхватите. Стригунок нынче много. Боимся, мало ли что.

По дороге домой Пашка краем уха слушал тараторившего Андрюху, который радовался подработке, а сам прикидывал: если всё пойдет хорошо, то в августе купит себе скутер.

3

По слухам, ходившим в поселке, дела на конеферме были не ахти какие. Сохранив преимущество от гремевшего на всю страну племенного хозяйства, (от которого осталось одно название да стела свинарке на Чуйском тракте), и определив одно направление — разведение орловского рысака — конезавод выстоял в сложные девяностые.

Но дальше с каждым годом становилось всё хуже, спонсоров всё меньше, и местным жителям приходилось гадать, на что существует конеферма. Сначала часто слышалось слово «реорганизация». А в последнее время и вовсе всё запуталось, и непонятно стало, какое отношение имеет к предприятию толстая тетка в джинсах с одутловатым отечным лицом, прикрывающая маленькие глазки большими солнцезащитными очками, приезжающая из города на маленькой красной «Тойоте».

Выяснилось — прежние владельцы продали предприятие, появился новый учредитель, юридическое лицо, зарегистрированное в Республике Башкортостан. А эта женщина — новая директриса, которую звали Эльвира Павловна.

Каким образом Эльвира Павловна стала директором конефермы, оставалось только гадать — к лошадям она точно не имела

никакого отношения. Но как только появилась на новом месте, сразу начала наводить свои порядки. Чуть не в первый день поспорив о чем-то с дядей Колей, сама призналась:

— Я, как вы выразились, может быть, и не знаю, с какой стороны к кобыле подойти, но управляющий менеджер из меня толковый. Я раньше в городе заведовала федеральной сетью магазинов женского белья. Понятно?

— Всё нам понятно, — сказал ей дядя Коля, а уже вечером в сторожке делился за партией домино с конюхом Валеркой:

— Они лучше ничего не могли придумать, как специалиста по женским труселям к нам прислать?!

Валерка ухмылялся, показывая свой щербатый рот:

— Не говори! Они бы хоть в пачпорт смотрели перед тем, как на работу брать! Хозяева что хотят, то и воротят.

Коневод, как выразился Валерка, «эти пертрубации» терпел, говоря:

— Они пускай там хоть на голове стоят, лишь бы коней не трогали. Почему не поймут — чтобы хозяйство прибыль приносило, нужно к делу серьезно подходить. Не всё сразу дается. А не так: взял — попробовал, а не пошло, так скинул и рад, что хоть свое вернул.

Имел право так говорить дядя Коля, болела душа у него за любимое дело.

На счету коневода это был уже третий директор. Но Эльвира Павловна ничего нового не привнесла, кроме стойкого аромата духов. Через пару месяцев директриса доверилась коневоду всецело, убедившись в его компетентности.

За советом к коневоду частенько наведывался и его давнишний знакомый Егор Савельевич Тарасов — крепкий фермер из села Алтайское.

Егору Савельевичу на вид лет пятьдесят пять, невысокий, с небольшим животом, широким лицом, открытым взглядом серо-голубых глаз. Приехал он накануне, весь какой-то взъерошенный.

— Нужно твое мнение. Садись, прокатимся! — пригласил он дядю Колю.

У Егора Савельевича с коневодом дружеские отношения. Они ездят вместе на рыбалку, да и в основном благодаря дяде Коле у Савельевича появилось новое увлечение — конные бега.

По напутствию коневода Егор Савельевич начал постигать тонкости непростого дела — купил орловского рысака по кличке Фаворит за хорошие деньги и отдал его в село Новотырышкино опытному мастеру-наезднику Фролову. Фролов сам давно уже не выступал, зато у него подрастала плеяда талантливых учеников. Внук его, Артем, недавно на новосибирском ипподроме занял как раз с Фаворитом призовое место. Конечно же, Егор Савельевич, воодушевленный такими успехами, строил грандиозные планы.

В предгорье у него были сенокосные земли, держал перевалочную базу для лошадей и крупного рогатого скота. В основном ее «окупили» казахи, приезжающие в край за животными. Скупали коней и коров, привозили на базу на передержку, а потом, загрузив в машины, увозили.

Причиной вызвать коневода явился случай — казах, постоянно скупающий животных, на днях привез небольшой табун лошадей. Егор Савельевич находился на базе и заметил одного жеребца красивой масти — серого в яблоках. Он отличался от остальных грацией, и сразу бросилось в глаза — конь не простой.

На поверку оказался настоящий орловец. Но физическое состояние орловца, правда, оставляло желать лучшего. Он хромал на переднюю ногу, на спине виднелись кровавые следы от плетки. Да и шибко-то к себе никого не подпускал — видно, натерпелся от людей.

Егор Савельевич заинтересовался, начал расспрашивать казаха: у кого и где купил. Но вразумительного ответа так и не смог получить. Одно выяснили — купили у цыган. И тогда Егор Савельевич привез на базу дядю Колю.

— Ты должен на него посмотреть, — говорил он по дороге. — Даже я разглядел, что маститый.

Коневод, увидев рысака, удивился:

— Орловец, да и конь-то толковый! Но смотри, колено беспокоит. Натерпелся малый. До того на людей зол, что не подпускает. Откуда его привезли? Документы при нем?

— Казахи где-то нашли. Про документы не узнавал. Они толком сказать не могут ничего. Как я понял, у цыган каких-то под Новокузнецком купили. Слушай, возьми его к себе, —

предложил Егор Савельевич. — Попробуем привести в порядок. Как ты думаешь?

— Можно попробовать. Даже если не получится бегать, на разведение пойдет. Смотри, какая масть! Договаривайся. Посмотрим, что можно сделать.

Казах долго рядиться не стал. Увидев деньги, с охотой согласился продать коня.

Когда жеребца привезли на конеферму, он сразу привлек к себе внимание. Серый в яблоках орловский рысак подолгу стоял в дальнем углу летнего загона, недоверчиво смотрел большими черными глазами на окружающих. Стоило только кому-нибудь приблизиться, он отбегал в сторону, беспокойно ржал, стриг ушами и отворачивался.

Орловец был на загляденье: высокий в холке, статный. Задние ноги и хвост до середины светло-серого цвета, круп — темно-пепельного, разбавленного белыми пятнами. Ближе к брюху окрас светлел, яблок становилось всё больше — казалось, это даже не яблоки, а звезды на светлеющем после ночи небе. Аккуратно подстриженная грива повторяла оттенки туловища: от холки светло-серого окраса, а к голове темнела и заканчивалась густой, сползающей до середины широкого лба челкой.

Дядя Коля три дня, словно заполошный, куда-то бегал, кому-то звонил, ждал ответного звонка, а потом и вовсе пропал на целый день — как выяснилось, приводил в порядок документы на жеребца.

Увидев рысака, Пашка открыл от удивления рот. Он глазам своим не мог поверить: это конь из его сна. Сомнений никаких — его рисунками увешана вся стена в комнате. Пашка опрометью бросился искать дядю Колю.

Коневод с конюхом Валеркой проводили ревизию в деннике. Меняли доски.

— Случилось чего? — спросил запыхавшегося Пашку дядя Коля. — Ты чего такой взбудораженный?

— Конь! Там конь! — Пашка не сразу подобрал нужные слова.

— Что конь? — испугался дядя Коля и, не дослушав Пашку, кинулся к загону, на ходу бросая инструмент и думая о возмож-

ной неприятности. Убедившись, что с жеребцом всё в порядке, чертыхнулся:

— Да ну тебя! Лешак, напугал! Я-то думал!..

— Дядь Коля, это же конь Бабыргана! Откуда он? — наконец-то смог выпалить Пашка.

— Не знаю, про кого ты. Но если про Рубина, то это долгая история. Вечером табун подгоните, расскажу.

— Рубин, значит, — повторил Пашка.

Кое-как дождавшись окончания дня, он с нетерпением подгонял табун лошадей к загонам.

Дядя Коля, уютившись у сторожки на своем излюбленном чурбачке, довольно щурился, закручивая самокрутку:

— Ну что, готовы? Тогда слушайте сюда. Строптивец-то у нас благородных кровей. Недаром гонор показывает.

По дяде Коле видно — ему самому не терпится поделиться тем, что узнал за эти дни...

***

Рубин появился на свет на конеферме «Сибирское подворье». Из нескладного жеребенка вырос в красивого годовалого жеребца, привлекавшего к себе внимание конезаводчиков. Вскоре его купил один мужичок из Абакана, занимавшийся лошадиными бегами.

На содержание и тренинг владелец отдал коня на местный ипподром старому мастеру-наезднику Иванову. Александр Семенович, а на ипподроме просто Семеныч, прикипел к жеребцу, быстро нашел с ним общий язык. Приучил его к седлу и качалке¹ и даже обучил трюку вставать на передние колени, когда ему нужно было садиться верхом.

За два года, что Семеныч работал с Рубином, они громко заявили о себе: стали победителями нескольких крупных турниров. Жеребцу предрекали большую карьеру, но неожиданно

---

¹ Беговой двухколесный экипаж.

с Семенычем случилась беда: прихватило сердце. Врачи посоветовали завязывать с бегами и прописали покой.

Рубина отдали молодому горячему наезднику по фамилии Глыбин, жадному до побед. Думали, с конем проблем никаких не возникнет. Но Рубин тосковал по Семенычу. Первое время даже отказывался есть.

Глыбина конь не признал, и на первой же тренировке, когда тот не рассчитал и сильно хлестанул его плеткой, рысак пустился галопом и чуть не перевернул качалку. После этого Глыбин и Рубин окончательно невзлюбили друг друга.

Глыбин кипел от злости.

— Как так?! — негодовал он. — Я из него эту дурь выбью! Возомнил из себя Сметанку!

В тот день, когда случилась трагедия, Глыбин пришел в конюшню пораньше. Велел конюху задать Рубину овса больше обычного.

— А тренировка? — спросил конюх, тихенький мужичок небольшого роста, разбирающийся в тренинге лошадей. — Тренировка ведь! Бока сколет.

— Делай чего говорю, — ответил Глыбин.

Потом он взял нагайку и зашел в денник к Рубину. Конь шарахнулся в сторону, положил уши и показал зубы. Тревожно заржал.

Глыбин замахнулся.

— Эх! — вырвалось у него. — Признаешь или нет?!

Рубин повернулся к Глыбину задом, и наездник, осознав опасность, удалился. Затем попросил конюха запрячь коня.

Выведя жеребца на тренировку, Глыбин начал гонять его по кругам. Рубин терпел, изгибал шею, бежал. Но удары плетью становились всё сильнее и чаще, и Рубин бежал круг за кругом, километр за километром.

На ипподроме не сразу вникли в происходящее. Проезжающие мимо наездники качали головами, спрашивали Глыбина:

— Куда ты его гонишь? Придержи!

— Ниче! Ему полезно! — ухмылялся тот и добавлял: — Застоялся чуток, пусть продышится!

Рубин, изнемогая от усталости, перешел на галоп и вдруг, выбежав за пределы тренировочного круга, понес качалку с на-

ездником по полю. Попав передней ногой в неглубокую канаву, споткнулся и завалился на землю.

И тут Глыбин сорвался, вскочил на ноги и начал хлестать коня, выбившегося из сил, что есть мочи:

— Непутевая скотина! Тупое существо! Чуть не угробил! Вот тебе за это! Будешь знать!

Сбежались люди. Оттащили Глыбина. Рубин лежал и смотрел на столпившихся вокруг него людей, тяжело дыша.

— Запорол коня! Куда смотрел... дурень!

— Самого бы тебя так погонять! Да бичом по хребтине!

Но Глыбин эти замечания пропускал мимо ушей: главное, он потешил себя и показал строптивому жеребцу, кто здесь хозяин.

Ветеринар поставил неутешительный диагноз.

— Какой из него теперь бегун. Дай боже, чтобы оклемался. Еще бы чуток, и стрелять бы пришлось или усыплять. Колено опухло. Возможно, ушиб, и связки на коленном суставе потянуты.

После этого происшествия Рубина увезли с ипподрома в неизвестном направлении. Ну, а дальше его судьба была известна.

Пашка с Андрюхой подолгу теперь висели на жердях и смотрели на жеребца. Дядя Коля ходил взбудораженный, отгонял их от загона, говоря:

— Пусть обвыкнется. Не лезьте, ему надо успокоиться!

На крупе Пашка тоже заметил рубцы от ударов плетью и показал Андрюхе:

— Видал, как били! Разве можно так?! Я читал — почти у каждого нашего знаменитого полководца был свой конь.

— Скажешь тоже! — отмахивался Андрюха. — Враки да выдумки.

— Ничего не выдумки! — возмущался Пашка. — Вот у великого полководца Суворова был любимый конь Мишка, подаренный ему донскими казаками. Так он на нем Измаил брал. А знаешь, сколько раз лошади в Великую Отечественную войну выручали? Это самые верные друзья человека!

Дядя Коля имел большой опыт в лошадиных бегах.

С детства мальчишкой ходил на ипподром «Акбузат» в Уфе, откуда и был родом. Там-то он и получил первые навыки езды. Оказался способным учеником, а главное — любящим лошадей. Кто бы мог предположить, что в возрасте шестнадцати лет он выиграет дерби, соревнуясь с опытными наездниками ипподрома. Позже окончил Хреновскую школу наездников и устроился помощником мастера-наездника при ипподроме. Тренируя и попутно выступая на соревнованиях, Николай выявил орловца Хана — резвого рысака. С ним он стал победителем многих специальных призов для орловских рысаков на известных ипподромах. А главной наградой был приз для орловцев на ипподроме в Казани. После этой победы к нему несколько раз подходили и предлагали за хорошие деньги выкупить Хана, но Николай наотрез отказывался.

Карьера молодого мастера-наездника только-только начала идти вверх, как произошла беда. В одном из забегов на качалке, в которой сидел тогда еще молодой перспективный мастер-наездник Николай Савельев, лопнул сварной шов. Случилось серьезное столкновение. Николай опрокинулся. Сзади ехавший наездник не успел среагировать и направить своего коня в сторону. Жеребец с качалкой буквально проехали по Николаю.

Травму он получил серьезную: сильно раздробило тазобедренную кость. Перенес несколько тяжелых операций, осталась хромота. Врач сказал — на всю жизнь. С соревнованиями пришлось завязать. Николай долго не мог сидеть в том положении, в котором находятся в качалке.

Выйдя из больницы, изредка появлялся на ипподроме, проводывал Хана. В один из дней пришел, а Хана нет: всё-таки продали в Казань.

После этого Николай и вовсе захандрил. Нереализованные амбиции стал тушить алкоголем. И чем бы это закончилось, никто не знает, но к соседке в доме, где жил Николай, приехала двоюродная сестра Люда с Алтая и вдохнула в него новые силы.

Они познакомились, начали общаться, и Люда пригласила его к себе на родину отдохнуть — сплавиться по Катуню, осмотреть достопримечательности Горного Алтая.

Тогда Николай думал: лошади — прошлый этап жизни. Но судьба распорядилась иначе. Приняв предложение Люды, он и не предполагал, что не захочет отсюда уезжать. И как же она была права — Алтай действительно пришелся ему по душе. Вскоре они сыграли свадьбу и поселились в селе Верх-Катунском, где жила Люда.

Каково же было его удивление, когда Николай узнал: недалеко от его нового дома расположен конезавод «Катунь». На конезаводе о Николае слышали: еще бы — совсем недавно его имя гремело на всю страну.

Николая приняли коневодом. К тренерской деятельности он возвращаться не хотел. Мог дать дельный совет, но не более. Правда, в душе у Николая где-то тлела искорка, способная перерасти в огромное пламя. А раздуть эту искру спустя столько лет помог Пашка...

5

Прошла неделя, но Рубин к себе так никого и не подпустил. Даже на овес не шел. Стоит на расстоянии и стрижет ушами, хвост прижимает. Подождет, пока конюх от корма отойдет, тогда подходит. Дядя Коля раз попытался к нему приблизиться. Рубин его не подпустил, сразу встал на дыбы. Конюх Валерка вроде подманил рысака, даже попытался запрыгнуть на него, но тут же был сброшен под копыта, и если бы не мужики, бывшие начеку, его не оттащили, то Валерке крепко бы досталось.

Отряхиваясь от пыли и переводя дыхание, конюх заметил:

— Волю любит. На свободу ему надо.

— Попробуем в табун выпустить, — согласился дядя Коля. — Может, там успокоится.

После этих слов Пашка не мог дожидаться, когда Рубина выпустят с табуном. Ему сильно хотелось подружиться с конем.

В школе — последние дни учебы. И каникулы!

Утром сдавали учебники. Елена Александровна, взявшая классное руководство над седьмым классом, где учился Пашка, устроила чаепитие, а после распустила всех домой, раздав список литературы, которую нужно прочитать за лето.

Переодевшись и перекусив, Пашка с Андрюхой, сев на велосипеды, поехали в поле. Младший Вовка увязался за ними. Пришлось по очереди везти его на раме.

На Катуня у мальчишек была стоянка. Чуть в стороне от водопоя росла огромная ива, разделенная на два ствола. Один тянулся вверх, а второй, делая причудливый изгиб, рос параллельно земле на высоте полутора метров. Забравшись на него, можно полежать, обсыхая на солнышке после купания в холодной воде.

В полуденную жару кони сами подбирались к реке. Шли на водопой, прятались в тени деревьев, растущих вдоль линии берега.

Сегодня солнце припекало изрядно, и мальчишки в первую очередь искупались. Залезли на кривой ствол ивы и смотрели, как кони пьют воду. Вороной жеребец по кличке Ветерок баламутил копытом воду, брызги летели в разные стороны. Конь, весь мокрый от брызг, блестел на ярком солнце.

Андрюха первым заметил орловского рысака:

— Смотри, Рубина выпустили! — ткнул локтем Пашку. — Давай подойдем, может, подпустит.

— Жди. Валерку чуть не растоптал, дядю Колю не признал, думаешь, тебя подпустит? — возразил Пашка.

Андрюха достал из кармана штанов несколько кусочков сахара и, подбросив их на ладони, хитро улыбнулся:

— Видал, че есть! Давай на спор, кого первого подпустит.

— Давай, — согласился Пашка. — На че спорим?

— На мороженое. На десять штук.

— Пойдет. Вовка, бей.

Ударили по рукам. Вовка разбил.

Мальчишки, прячась за пасущимися лошадьми, приблизились к жеребцу. Рысак щипал в сторонке траву. Увидев осторожно идущего на него Андрюху, прижал уши и, пристально смотря на него, начал мотать головой, обнажая верхний ряд зубов.

Вытянув вперед руку, на которой лежали кусочки сахара, Андрюха маленькими шагами продвигался к жеребцу, боясь его спугнуть.

— Рубинчик, ты посмотри, что у меня есть! Ты только попробуй! — ластился он к орловскому рысаку.

Конь начал бить о землю задним копытом и махать хвостом, отгоняя надоедливых оводов. И вдруг, когда никто не ожидал, сорвался с места и понесся на Андрюху.

Андрюха, вскрикнув от испуга, кубарем полетел вместе с сахаром в сторону. Рысак же в последнее мгновение, изменив направление, проскакал мимо, разогнав табун, и метров через двести снова остановился словно вкопанный.

Наблюдая за происходящим, Пашка с Вовкой надрывали животы от смеха.

— Чего вы ржете! — обиделся Андрюха, потирая ушибленное колено. — Я бы на вас посмотрел, что б вы делали, когда летит такая махина. Он же затопчет и не заметит!

— А тебе про это и говорили.

— Давай, иди, твоя очередь, — напомнил он Пашке. — Теперь я посмеюсь.

Пашка сходил к дереву, взял сумку, в которой лежали бумага и карандаши. Подмигнув Андрюхе, пошел к жеребцу.

— Чего задумал? — поинтересовался Андрюха. — Думаешь, поможет?

— За мной не ходите, — предупредил Пашка. — Я сам как-нибудь...

Подойдя ближе к Рубину, чтобы орловец его хорошо видел, мальчишка уместился на траву и, достав бумагу с карандашом, начал рисовать.

— Представляешь, а ты мне снился, — вдруг сказал Пашка. — Бывает же такое. Буквально недели за две до твоего появления. Вон у меня твоих рисунков куча, смотри, как похож. Ты нас не бойся, мы тебе зла не причиним. Дядька Коля рассказывал, что тебя обижали. А лихо ты нашего конюха свалил! Все за него испугались. У Андрюхи аж коленки затряслись.

Пашка подсел ближе. И конь вдруг сделал несколько шагов навстречу. Подняв голову, Рубин то смотрел на мальчишку, то,

фыркая, пощипывал сочную майскую траву. Постепенно расстояние между ними сокращалось.

— А знаешь, как я начал рисовать? — продолжал Пашка, водя карандашом по бумаге. — Пришел однажды со школы домой, а в ограде петух ходит. Мне так замок открыть и не дал. Пришлось лезть на дровяник. И пока сидел, думал — чем заняться? Взял листок бумаги, карандаш и давай этого петуха срисовывать. Вот хохма, правда?

Пашка оторвал глаза от рисунка, чтобы посмотреть на жеребца, и вдруг замер: Рубин стоял метрах в трех от него и косился на белый лист бумаги.

— Да ты еще и любопытный! Иди, покажу! — поманил он рысака.

Конь сделал шаг навстречу. Пашка медленно встал и протянул вперед руку.

— Ну, иди! Не бойся! Давай дружить, — интонация в его голосе прозвучала искренне, и в следующее мгновение конь нагло обшарил губами Пашкину ладошку, а потом, обнюхав его, слегка боднул головой.

Пашка, взяв Рубина за уздцы, заглянул ему в глаза. В черных влажных глазах рысака Пашка заметил легкую грусть. Прижимаясь к нему щекой, погладил по лбу:

— Хороший. Не бойся.

Мальчишка, глядя жеребца по шее, чувствовал, как бьется горячая кровь в вене. А рысак стоял, словно ни в чем не бывало, бодал Пашку играючи, губами пощипывал его за рукав рубахи, пофыркивал, мотая головой.

— Прокатишь меня? — спросил Пашка, погладив коня по лбу и за ушами. Рубин переступил задними ногами и, словно в знак согласия, мотнул головой. Пашкиному удивлению не было предела, когда конь опустился на передние колени.

— Ух ты! Да ты всё понимаешь!

Ухватившись за гриву коня, Пашка проворно вскочил на него и, припав к шее, направил к стоянке.

Солнце коснулось макушки островов — вечер уже близок, и скоро гнать табун к конюшням.

Андрюха чуть не упал с чалой кобылы, на которой подгонял отбившихся жеребят, увидев Пашку верхом на Рубине:

— Это как так? Как он тебя подпустил? — и, тяжело вздохнув, спросил: — Мороженое-то когда брать?

Пашка улыбнулся:

— Сейчас. Домой пойдем, в «Корзинку» заскочим. Возьми три. Вовку угостим. Я сегодня добрый. Эге-ге!

И развернув жеребца, Пашка направил его к речке поить.

6

Вечером, сидя в сторожке с конюхом Валеркой, забивая партию в домино и ожидая, когда мальчишки пригонят табун, дядя Коля чуть не поперхнулся крепким кофе, увидев Пашку верхом на строптивом рысаке.

— Да ты посмотри! Не то колдун!

Конюх Валерка, который еще не отошел от болезненного знакомства с Рубином, заглянул в окно и присвистнул:

— Нашел себе хозяина! А ты, Петрович, боялся, что он безнадежен.

Дядя Коля, увидев Пашку верхом на рысаке, улыбнулся — глаза его загорелись задорным огоньком. Конюх Валерка сразу заметил изменения в шефе. То с утра ходил, как туча хмурая, и Валерке даже достался нагоняй, а сейчас расцвел, как ромашка в поле. Конюх не замедлил спросить:

— Петрович, ты, однако, или поддал, или влюбился?

— Влюбился, — ответил серьезно дядя Коля.

— В кого, если не секрет? В директрису? Или в бухгалтершу Лариску?

— В жизнь, Валерик, в жизнь...

— Павлик, у тебя в роду казаков не было? — довольно щурился дядя Коля, встречая мальчишку. — Нашел же к нему подход!

— Да какой тут подход. К нему с добротой надо, — ответил Пашка, спрыгнув с коня и, погладив его по шее, повел в денник.

Мальчишка стал приходить на конезавод по утрам. Так велел дядя Коля.

— Приручил коня — несешь полную ответственность за него. Считай, это твой друг, товарищ, который в трудную минуту тебя обязательно выручит. Понял? Так что, кроме тебя, о нем никто не позаботится. Нужно колено ему подлечить. На ночь надо ему мазь привязывать, а по утрам будешь его держать — уколы надо ставить.

Глядя на мальчишку верхом на рысаке, дядя Коля вспомнил себя в детстве. И разобрался — вот что это за щемота в груди. Он видел Пашку и снова окунался в свое детство, когда только начинал ходить на ипподром в родном городе. Николай так же тогда приструнил строптивного жеребца по кличке Ермак и потом выиграл с ним первый в жизни приз.

И вдруг пришло осознание: он проживает детство заново. Ему даже однажды приснилось — едет на качалке, управляет Рубином, ведет забег, но смотрит на себя со стороны. Перед финишем наездник оборачивается, и дядя Коля видит не себя, а Павла...

Пашка не успевал зайти в конюшню, а Рубин чувствовал его приход. Начинал громко ржать, бить копытом по дощатому полу.

— Чего расшумелся! — приветствовал его мальчишка. — Смотри, доски не переломай!

Пашка открывал дверь, Рубин, обнюхивая его, проходил по русой шевелюре губами, а позже начинал искать в боковом кармане куртки сухарики или кусочек сахара. Парнишка отпихивался, смеялся, а Рубин, бодая его головой, настойчиво пытался залезть в карман и вытащить заранее приготовленное лакомство.

Между мальчишкой и орловским рысаком завязалась крепкая дружба. Пашка частенько доставал бумагу с карандашом и рисовал коня. Разговаривал с ним. Рубину нравилось позировать, мог подолгу стоять в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, широко раздувая ноздри и подставляя их легкому ветерку.

Орловца словно подменили. Находясь с Пашкой, он становился спокойным и послушным. И неуклонно следовал за ним по пятам, куда бы тот ни пошел. А когда терял его из виду, беспокойно ржал, зазывая друга. И Пашка шел к нему. Гладил по белой звездочке на лбу, тихо шептал ему что-то на ухо, и тогда Рубин успокаивался и следовал за мальчишкой, не сводя с него глаз.

Пашку прикрепили к Рубину: он кормил и поил жеребца, отбивал денник — убирал и чистил навоз, устилал пол сухими опилками.

По утрам проходился по рысаку специальной щеткой, морду и глаза протирал мягкой губкой. Хвост и гриву расчесывал редким гребешком, чтобы не повредить волос. После чистки дополнительно протирал коня суконной тканью, удалял пот специальными скребницами. Всему этому его учил дядя Коля. После утренних процедур выпускал орловца в табун, который они с Андрюхой гоняли на луга.

Однажды Пашка, закончив утренние процедуры и выведя коня в летний загон, увидел дядю Колю, ходившего вокруг странного приспособления.

— Дядь Коля, привет! Это что за колесница? — поинтересовался Пашка, повиснув на плахах загона.

— Не колесница, а качалка, — улыбнулся коневод. — Спускайся, помоги! — позвал он мальчишку. — Колесо подними, я смазал подшипники, надо крутануть.

Пашка подержал качалку. Затем дядя Коля принес упряжь.

— Смотри и запоминай. Рубин — жеребец с хорошей резвостью и экстерьером, нужно его готовить к бегам. А ты парень толковый, будем из тебя делать классного наездника. Ничего не бойся, слушай внимательно и запоминай. Я тебя буду учить и показывать. Главное начать, а потом сам поймешь, как всё устроено.

Дядя Коля похлопал Пашку по плечу:

— Готов попробовать? Тогда веди своего подопечного, сегодня урок первый — учимся запрягать.

Пашка привел Рубина. В присутствии друга конь вел себя спокойно, и дядя Коля начал объяснять и показывать:

— Первое, что делаем, — берем сбрую, кладем ее ближе к пояснице, чтобы хватило на подхвостник. Подпруга особая, не такая, как у верховых. Первым делом затягиваем ту, что лежит дальше. Следом страховочный ремень. Регулируем длину подхвостника. Должно быть натяжение, но не очень.

Дядя Коля велел Пашке повторить.

— Пока не попробуешь — не поймешь, — сказал он, смотря, как Павлик возится с ремнями да с застёжками.

— Переходим на ноги. Бинтуем передние. Надеваем наколенники. С особой осторожностью, чтобы не ударил копытом, ногавки видишь какие высокие. Они защищают от травм, чтобы лошадь, пока бежит, не била ногами и не повредила суставы. Всё хорошо заправляем. Можно надеть наушники, наглазники — это для пугливых лошадей. Попробуем пока без них — посмотрим, как поведет себя Рубин.

— Уздечка. Каждая уздечка надевается по-разному. В рот вставляется трензелька. Затем цепляются вожжи. Чек между ушей. Готово.

Дядя Коля перевел дух. Видно, что какие-то детали подзабыл. Примеривал ремешки. Вспоминал.

Затем он подкатил качалку.

— Видишь — на подпруге специальные пазы. Опускаем и тянем на себя. Защелкнулось. Теперь экипировка наездника: шлем, хлыст, перчатки, секундомер.

Дядя Коля показал, как правильно садиться, как брать вожжи. И отправил Пашку наматывать круги по беговому тренировочному кругу.

— Сильно не гони, он еще не привык к нагрузкам! — покривал дядя Коля, а сам внимательно следил за жеребцом.

Первое время от страха Пашка закрывал глаза: захватывало дух. Позже немного пообвык, но сердце всё равно колотилось, словно вот-вот должно выпрыгнуть. Он посматривал на коневода и видел, как тот разгоряченно давал советы, словно сам уже участвовал в соревнованиях.

— Потяни вправо, валится! Подгони чуть!

Теперь Пашка каждый день с утра выводил Рубина на тренировку. Начал разбираться в тренировочном процессе: что есть маховая работа и что есть тротовая, или водилка.

— Тротовая работа нарабатывает мышцы, — разъяснял дядя Коля. — Бежишь рысью. А маховые работы разрабатывают легкие. Здесь уже по секундомеру.

После занятий выпускали рысака в табун, Пашка помогал Андрюхе пасти и рассказывал про тренировки.

Подходя к дому, Пашка с улицы услышал звон разбившегося стекла. Потом увидел бабку Зину, поспешно выводящую Сеньку и Юльку из ворот.

— Ты туда не луйся! Он пылесос хочет из дома вынести, а она не дает, — сказала бабка, погладив Пашку по голове.

Иногда она жалела его, и тогда казалась не такой злой и вредной.

— Ко мне пойдем ночевать, — предложила она, но Пашка отказался, помотав головой.

— Разберусь как-нибудь, — буркнул он и, зайдя в ограду, шмыгнул в предбанник.

В предбаннике было слышно, как мать с отчимом ругаются.

Пашка мать понимал — она хотела, чтобы дети не видели их ругачки, поэтому так и сказала:

— Сынок, ты лучше куда-нибудь уходи, когда он такой. Не смотри на нас. Не хочешь к баб Зине, я с тетя Ирой поговорю.

Пашка разместился на деревянном лежаке — расстелил ватный матрас, положил подушку и только прилег, как дверь в предбанник потихоньку открылась и на пороге появилась их классная Елена Александровна. В домашних трико и кофте, с хвостиком на голове, она выглядела как ученица девятого класса.

— Вы? Елена Александровна, вы чего здесь? — Пашка соскочил со своей лежанки, совсем не ожидая ее здесь увидеть.

— Можно, я с тобой посижу? Не прогонишь? — спросила она, присев на краешек лежака, держа в руках пакет.

— Сидите, чего уж, — смутился Пашка.

— Как ты тут? — спросила она после недолгого молчания, осматривая Пашкино жилище. В углу предбанника висели березовые веники, но их запах за зиму выветрился, и пахло пылью и кошками. Вдруг Елена Александровна остановила взгляд на противоположном углу и, взвизгнув, вскочила на лежанку.

— Что это? Там! — показала она рукой в сторону, держа перед собой пакет.

Только сейчас Пашка вспомнил про капкан, который поставил несколько дней назад. Он заглянул в угол и увидел там мертвую крысу.

— Да не бойтесь, она уже не живая, — улыбнулся Пашка и хотел взять крысу рукой, но Елена Александровна его остановила.

— О боже! Ты ее хочешь голыми руками?.. Это же негигиенично! А вдруг она заразная? Не трогай!

Для успокоения учительницы Пашка взял тряпку, лежавшую на лавочке, вытащил за хвост крысу и понес мимо классной к дверям. В этот момент ему ужас как захотелось кинуть ее в учительницу, но он лишь улыбнулся и спросил:

— Подержать не хотите?

— Убери ее, Кочергин! С глаз моих вон! Тьфу! — простонала Елена Александровна, закрываясь пакетом.

Пашка открыл дверь и выкинул крысу на улицу.

Елена Александровна, кивнув в сторону дома, где слышно было, как буянил дядя Саня, спросила шепотом:

— Как вы всё это терпите. Может, полицию вызвать? Приедут, заберут.

— Не надо. Сколько раз уже вызывали. Приезжают и говорят: «А что вы нас вызвали? Когда убивать начнет, тогда и звоните». Поэтому еще хуже будет. Он когда видит полицию, совсем дурной становится, а так побуянит да успокоится. Вообще, он добрый.

— Ничего себе добрый...

— А вы откуда узнали?

— Поселок-то у нас маленький, — ответила Елена Александровна. До нее первым делом дошли слухи о жизни ее ученика Паши Кочергина, и она, считаясь с профессиональным долгом, не могла не отреагировать и не разузнать, в чем дело.

— Слушай, — спохватилась Елена Александровна, — а у меня с собой пироги и чай в термосе. Давай поедим?

Пашка стал отказываться, но та настояла:

— Я проголодалась жутко, а одна есть не привыкла, поэтому давай налетай, еще тепленькие...

— Обманываете. Вы же одна живете. Каждый раз соседку зовете поужинать? — поймал ее на этой уловке Пашка.

И правда, Елена Александровна жила одна на соседней улице, и за стол ей не с кем было садиться.

— А кот? Он разве не считается? — выкрутилась учительница. — Сейчас его нет, давай налетай.

Разворачивая тепленькие пироги, она улыбалась:

— Знаешь, когда я в школе училась, у нас папа тоже держал лошадь. Он даже учил меня ездить верхом. А потом его не стало, и нам пришлось ее продать. Всё сосед выпрашивал. Мы возьми ему и продай, а позже узнали — он ее на мясокомбинат живым весом сдал. Мне так обидно было и горько, что я потом с ним не здоровалась. Он просто нажиться хотел. А ты расскажи про своих коней, — тут же попросила она. — Как раз репетиция сочинения. Не забыл, тебе его скоро сдавать, — лукаво улыбнулась учительница.

Пашка тоже улыбнулся. Ему было легко с Еленой Александровной, которая как-то по-домашнему сидела на лежаке и, подобрав под себя ноги, как девчушка, разговаривала с ним не как учитель с учеником, а как с другом. И Пашка начал рассказывать ей о Рубине.

Так они просидели долго, пока не спохватились — была почти полночь.

Елена Александровна вдруг предложила:

— А пойдём, Паша, ко мне. У меня переночуешь.

Павлик, вспомнив, что в предбаннике под утро будет прохладно и придется перебираться на полок в баню, согласился.

Домик, в котором ее поселили, был с виду небольшим, но уютным. В глубине участка яблоневый сад. Она постелила Пашке за печкой в маленькой комнате. Он только коснулся головой подушки, отдававшей запахом из детских воспоминаний, когда вот так же мать стелила ему постель, пока не сошлась с дядей Сашей, — и сразу же провалился в безмятежный сон.

А утром они вместе завтракали геркулесовой кашей с вареными яйцами, бутербродами с маслом и сыром и запивали какао. Пока Елена Александровна хлопотала на кухне, Пашка украдкой рисовал ее: он поймал светлую улыбку, когда лучик солнца падал ей на лицо. Дорисовав портрет в поле, когда пас лошадей, вечером украдкой прикрепил его на окно ее дома, подписав: «Самой лучшей учительнице в мире».

На следующий день приехал дядя Антон. Отчим всё-таки сдал пылесос и вытащил из дому микроволновку. Пробушевал всю ночь, после этого мать позвонила брату. Дядя Саня, услышав о приезде Антона, сразу ретировался в неизвестном направлении.

Пашка, вернувшись утром домой, вслушивался: мать в слезах рассказывала дядьке историю, как она до последнего отстаивала вещи. Антон молчал, глядел в окно, резко швыряя, отпивал из кружки горячий чай.

— Работает-работает, тяжелым трудом всё достается, а потом в один миг разбазарит! — причитала Вера, вытирая набегавшие слезы. — Сил моих больше нет!

— Разведись, — говорил дядька.

Но Вера опять находила оправдание:

— Трое детей! И куда я с ними одна? Может, еще одумается!

— Горбатого могила исправит, — отвечал Антон. — Терпи.

Антон на несколько лет старше Веры. В Шульгином Логе фермерствовал. Занимался пчеловодством, держал много скотины.

Пашка любил дядьку, частенько гостил у него. Помогал вывозить ульи к подножию Бабыргана и привозить их обратно. Парню нравилась тетя Света, Антонова жена. Он тайно был в нее влюблен за светлые длинные волосы и легкую озорную улыбку. Немного завидовал двоюродной сестре Насте, которая была на два года его младше, — что у нее такие родители.

Антон в молодости занимался борьбой. Да он и внешне походил на греческого атлета — волевой подбородок, широкие покатые плечи. К своим сорока семи поднабрал в весе, но оставался плотненьким крепышом.

Пашка пошел проводить дядьку.

— Ты чего не звонишь? — дядя Антон обнял племянника за плечо. — Когда к нам приедешь? Учеба-то вроде закончилась.

— У меня тут друг появился! — воодушевленно поделился Пашка. — Не могу бросить.

По лицу Антона проскользнула улыбка.

— Верно говоришь, друзей нельзя бросать! Покажешь?

Пашка быстренько сбежал в дом и вернулся с целой стопкой рисунков, на которых запечатлен Рубин:

— Да то же, племяш, рысак! Красавец! И что, вы дружите?

Пашка, тихо улыбаясь, рассказал дяде Антону о Рубине. И как его привезли на конеферму, и как он никого к себе не подпускал, и какие огромные глаза были у дяди Коли, когда он его увидел верхом на жеребце. И как теперь они готовятся к соревнованиям.

— Ну, как освободишься, приезжай, — на прощанье похлопав по плечу, сказал дядя Антон. — Тетя Света пирогов с брусничкой напечет. А дружан у тебя знатный. Не бросай его.

Дядя Антон уехал, а Пашка еще долго сидел на лавочке и смотрел, как дальним клочком темнеющего неба потухал вечер.

8

Полная луна висит высоко. Неширокое поле перед конефермой, на котором тренировались Пашка с Рубином, освещено лунным светом, словно на него направили самый мощный в мире прожектор.

Дядя Коля, хромя, шел впереди. Пашка, ведя за собой Рубина, который был запряжен в качалку, шагал позади и замечал, как воодушевлен дядя Коля-Копна.

— Я всегда так делал, — сказал, остановившись, дядя Коля. — В этом есть какая-то сила. Отстраниться от всего. Есть ты и твой конь. Почувствуйте друг друга. Доверьтесь. Соединитесь мыслями. Представьте, что вы одно целое. Если не найти ниточку друг с другом — всё, ты проиграл.

Дядя Коля еще раз проверил крепления. В стоявшей тишине, или даже лунном безмолвии, ремни на подпруге скрипели звучно. Предстояла контрольная прикидка, как назвал ее дядя Коля. Нужно было почувствовать волнение, выйти из зоны комфорта.

Пашка, взгромоздившись на качалку, направил коня по кругу. Забег ночью при свете луны — чем не исключительные условия.

— Разомни его! Кружков пять прогони! Первые два круга темп небольшой, а потом переходи на трот. Как махну — по секундомеру! — крикнул дядя Коля юному наезднику.

Свежий воздух ударил в лицо, засвистел в ушах, и за фырканием жеребца, топотом копыт да шумом дребезжащей качалки Пашка толком не слышал, что говорил дядя Коля. Больше понял интуитивно, что от него требуется.

— Третий круг! Еще круг. Пятый круг пойдешь — постепенно наращивай! Представь, что перед вами едет машина, придерживает вас, потом она отъезжает, и вы начинаете забег.

Пашка волновался: пятый круг, и он начал подгонять Рубина. Жеребец понял, чего от него хотят, взял хорошую рысь, и вот она, отмашка дяди Коли — секундомер включен.

Сердце застучало от азарта, встречный ночной воздух выбивал слезы. Пашка вдруг слился с Рубином, качалкой, покрикивающим дядей Колей, чудной лунной ночью в одно целое. Парню казалось, что он ведет забег, а сзади подпирают соперники, и он невольно подстегивал Рубина. Жеребец бежал резвой рысью, и перед финишем Пашка услышал подсказку дяди Коли:

— На последней четверти придержи его, а то на галоп перейдет!

Действительно, перед финишем Рубин пару раз взбрыкнул, качалку потряхнуло, Пашке пришлось натянуть вожжи и притормозить.

— Для первого раза сойдет, — говорил дядя Коля, когда они, оставив Рубина в конюшне, возвращались по ночной улице домой. — Нужно только подковы набить на передние копыта, чтобы он их выкидывал и тянулся, тогда быстрее побежит. А так в целом неплохо. Ну и готовиться. Через две недельки в селе Новотырышкино на Алтайском подворье Кубок главы района.

Зайдя на цыпочках в дом, Пашка постарался не разбудить домочадцев, и вроде бы удалось. Но только удобно уместился на кровати, как услышал из комнаты сонный голос матери:

— Пашка, ты?

— Я, мам, спи. Всё нормально.

— Уснешь тут с тобой. И где тебя носило?

— Костер у реки жгли.

— Завтра дров наколи к бане, — зевнул отчим, переворачиваясь на другой бок. — Только не забудь.

— Наколю.

Пашка долго не мог заснуть. Лунный свет проникал в окно и падал на его подушку. Он снова и снова мысленно прокручивал забег, и казалось, что до сих пор ощущает, как ночной воздух бьет в лицо.

9

Черный тонированный джип стоял у реки в тени трех больших деревьев. Недалеко от стоянки мальчишек.

«Отдыхающие», — заметив дорогой автомобиль, подумал Пашка, но тут же закралось сомнение. Да и Андрюха подтвердил:

— Явно что-то вынюхивают.

Действительно, обычно люди доставали мангал, жарили шашлыки, купались, ставили столики, а выпив спиртного, шли кататься на лошади. Пашка с Андрюхой седлали старого коня рыжей масти по кличке Малыш, у которого по глазам и по полузакрытым векам читалось — спокойней коня в табуне нет. За сто пятьдесят рублей они с Андрюхой давали отдыхающему покататься полчаса. Малыш только и знал, что тянул поводья вниз, пытаясь достать до травы. Больше старого коня ничего не интересовало. Пашка и забыл, когда Малыш вообще бегал — в основном, ходил размеренно.

В машине сидели люди, смотрели в сторону табуна и о чем-то беседовали.

Андрюха, не обращая на них внимания, с утра увлекся какой-то игрой на телефоне, но батарея на стареньком смартфоне быстро разрядилась, и он от нечего делать кидал ножик в старую иву. При каждом удачном броске восклицал, обращаясь к Пашке:

— Видал! Как воткнул, снизу! Так десантники кидают, я по ящику недавно смотрел.

А когда попытка получалась неудачная и ножик отскакивал от дерева в сторону, тут же находил отговорку:

— А! Не дошагнул! Надо на полшага вперед!

Время приближалось к обеду, и кони стали подбиваться к реке на водопой. Пашка тоже нашел чем себя занять: рисовал джип, стоявший под ивами.

Рубин щипал траву в сторонке, отмахиваясь хвостом от надоедливого гнуса и дергая задней ногой. Дверцы джипа открылись, из него вылезли трое мужчин. Все были как на подбор — в джинсах и обтягивающих рельефную мускулатуру рубашках. Двое остались стоять у машины, а один направился к мальчишкам.

— Не местные, — шепнул Андрюха Пашке. — У нас в поселке такой тачки нет. Вынюхивают что-то.

У незнакомца была густая черная борода и цепкий пронзительный взгляд. В руках дорогой телефон.

— Привет, бандиты, это вы за табуном присматриваете? — широко улыбаясь, поприветствовал их бородач. — Хорошие у вас кони. Особенно вон тот, — он указал в сторону Рубина.

Пашка заметил, как у бородача загорелись глаза, но главное — ему не понравилась его улыбка. Она была показной и неестественной.

— Хорош-то хорош, но никого не подпускает, — сказал Андрюха, садясь в тень под дерево. — Конюха нашего чуть не растоптал.

— Так уж и никого, — улыбнулся бородач.

— Никого, — повторил Андрюха. — Строптивый, ужас.

— Посмотрим, — сказал незнакомец, и смело пошел к Рубину. Конь тревожно заржал при виде чужака, прижал уши, повел мордой, но с места не тронулся. Довольная улыбка пробежала по лицу бородача. Он уже было схватился за уздечку, как Рубин, громко заржав, поднялся перед ним на дыбы. Бородач от неожиданности оступился, рухнул на землю, но сразу проворно поднялся и отбежал в сторону.

— Ух, дьявол! — воскликнул он, отряхивая рубаху. — Просто огонь!

По бородачу было видно, что от жеребца он в восторге.

— А кто у вас директор? С кем можно переговорить насчет коня?

— Это вам на конеферму надо. Николая Петровича спросите. Он вам всё и расскажет, — ответил Андрюха, довольный, что хоть не ему одному досталось от Рубина.

Вскоре джип уехал, а Пашку не покидало какое-то нехорошее предчувствие.

Возвращаясь вечером на конеферму, он хотел рассказать всё дяде Коле, но еще издалека заметил ту самую машину, а приблизившись, увидел и дядю Колю с тем бородачом, стоявших в сторонке и о чем-то споривших. Потом бородач уехал не в настроении.

Пашка вопросительно глянул на подошедшего дядю Колю.

— Да ну его. Бешеный какой-то, — сказал коневод. — Говорит, продай мне его, и всё. Любые деньги, говорит, даю. Уперся, как баран в новые ворота. Я ему говорю, что конь не наш, у него есть хозяин, с ним и разговаривай. Пришлось телефон Савельича дать.

— Думаешь, Савельич согласится продать коня? — спросил подсевший к дяде Коле конюх Валерка.

— Да шут его знает, — махнул рукой коневод. — Деньги хорошие предлагает, почти тройную цену.

10

До соревнований оставалась неделя. Дядя Коля на каждый день расписывал план тренировки, заглядывая в свой старый дневник, который вел, когда выступал сам, и который так и не поднялась рука выкинуть.

— Ты, главное, не волнуйся, — говорил дядя Коля. — Эти соревнования — генеральная репетиция перед главным стартом, который состоится через две недели. Со всего края приедут. Разыгрываться будет традиционный приз, Кубок губернатора края. Именитые спонсоры приедут, шишки всякие.

Кубок главы района устраивал Егор Савельевич. С заводчиками решили провести прикидку перед большим конным праздником. Но если для кого-то это просто прикидка, то для Пашки — самые важные соревнования в жизни. Он кое-как дождался субботы.

С утра загрузили немного нервного Рубина в специально оборудованный фургон для перевозки лошадей, прицепили его к джипу Егора Савельевича. К дяди-Колиной «Ниве» присоединили прицеп, в котором уместилось всё остальное — качалка, упряжи, всяческие приспособления.

День выдался солнечный.

Ипподром «Алтай» находился недалеко от Белокурихи и считался одним из лучших в крае. Чего только стоит современная дорожка с всесезонным покрытием, единственная такого уровня на Алтае.

Старт участникам дает старт-машина, а результаты бегов и фотофиниш высвечиваются на электронном табло. Для зрителей сооружена крытая трибуна. Хочешь перекусить — иди в кафе. Есть и другие развлечения.

На ипподроме к верстовому кругу пристроена дополнительная беговая дорожка для соревнований верховых пород лошадей на дистанции тысяча шестьсот метров, а в центре малого верстового круга расположен разминочный, где участники состязаний готовятся к заездам, не мешая друг другу.

Зрителей было немного, но атмосфера сложилась праздничная. Савельич с дядей Колей со всеми здоровались, обнимались, шутили.

Вскоре раздался голос ведущего:

— Дорогие друзья! Приветствуем вас на ипподроме «Алтай» на территории «Сибирского подворья» села Новотырышкино Смоленского района. Торжественно объявляю конно-спортивный праздник «Большие орловские бега Смоленского района» на призы главы администрации района открытым.

— Через пятнадцать минут стартует первый забег, — напомнил дядя Коля.

Зрители на трибунах оживились. Дедушка в синей рубашке предался воспоминаниям, рассказывая довольно громко своему собеседнику:

— Это ж настоящее чудо было. Одну четверть дистанции рысак бежал плохо, а потом вдруг проснулся. Он вон дотуда «дурил», а потом как пошел, как пошел! И рекорд! Я сам видел.

За трибунами отвели специально огороженное место — паддок — для седловки, запрягания лошадей и выводки их перед стартом. Здесь же организовали помещение для технического обслуживания.

После того как подготовили Рубина, Пашка выехал на проминку и прогнал рысака несколько кругов. Потом отвел его в тенек.

Подошел Егор Савельич. У него здесь бежали два рысака — Рубин и Фаворит. Причем в одном забеге.

— Готов к труду и обороне? — улыбнулся, потрепав Пашку по голове. — Соперники нынче серьезные. Все собрались. Никто не пропустил, — заметил он.

Мимо проехал молодой наездник на вороной лошади.

— Красавица! — сказал дядя Коля.

— Кобыла Грет Рая, — добавил Егор Савельич, провожая ее взглядом. — В том году стала второй на призе Ассоциации конников Юго-Восточной зоны.

— А то и видно, как Вовка нос дерет, — усмехнулся дядя Коля. — Еще бы — резвейшая кобыла старшего возраста Западной Сибири! Это вам не хухры-мухры.

Пашка слушал дядю Колю и Егора Савельича, частенько поглядывая на Рубина. Понять не мог, почему они так хвалили других лошадей, ведь его Рубин лучше всех.

За этими разговорами Пашка узнал соперников по шестому забегу, в котором бежали рысаки старше четырех лет.

Первый из них — орловец четырехлетнего возраста Исправный. Этот жеребец, рожденный у частного владельца Матвея Ларинцева, выиграл приз «Барса», показав лучшую резвость сезона на дистанции тысяча шестьсот метров среди сверстников. Последний забег он выиграл с рекордом дорожки на две тысячи четыреста метров.

Фаворит, принадлежащий Егору Савельичу, выиграл месяц назад на Алтайском ипподроме приз «Крепыша». Участвовали также Кобыла Грет Рая, жеребец Восторг, недавно привезенный из Омска и названный дядей Колей «темной лошадкой». И последний участник — Купец, прошлым летом ставший лучшим четырехлеткой сезона.

— Компания подобралась на загляденье, — сказал дядя Коля, дав команду Пашке собираться. — Заруба будет отменная.

Похлопав Рубина по шее, добавил:

— Смотри, Рубин, не подведи!

Через пять минут объявили шестой забег.

— Ничего не бойся, — напутствовал дядя Коля. Он тоже волновался. — Занимай позицию с края, а то прижмут — не выбе-решься. Если почувствуешь, что конь просит, подхлестни. Быстро не начинай, лучше на последних четвертях поднажать...

Одновременно с волнением у Пашки вдруг появилось чувство тревоги. В этой предстартовой сутолоке он не мог вспомнить, откуда оно возникло. Озираясь по сторонам и разглядывая зрителей, сидящих на трибуне, заметил мужчину с черной густой бородой, в темных очках, активно разговаривающего по телефону.

«Бородач», — узнал Пашка незнакомца, приехавшего на реку и конеферму, и показал его дяде Коле.

— Не забивай голову, — махнул рукой коневод. — Готовься, скоро объявят.

Пашка отвлекся от тревожных мыслей, когда объявили шестой забег.

Овальный соревновательный круг. Дистанция две тысячи четырёхсот метров, или шесть равных четвертей по четырёмстам метров.

Пашка занял дорожку по внешнему кругу, как и советовал дядя Коля.

— Братцы, с богом! — услышал Пашка последнее напутствие. Всё смешалось: соперники, зрители, голос ведущего...

Начался предстартовый разгон. Рубин, немного застоявшийся, лихо сорвался с места, передавая уверенность своему наезднику. Он бежал резво, и Пашка даже чуток успокоился. Седой усатый мужичок на Восторге ему весело подмигнул.

Впереди ехала старт-машина. Поравнявшись с центральной трибуной, она ускорила и свернула в сторону. Прозвенел гонг.

Люди на трибунах оживились. Повернули головы вправо.

— Бегут! Бегут! — раздались крики мальчишек.

Рысаки шли табуном, и пока никто не мог разглядеть лидера. После первого поворота отделился жеребец Исправный.

— Кто впереди? Кто впереди? — спрашивала женщина в джинсах и панаме.

— Вот увидите, — крикнул полный мужчина с бородой, — придет не самый резвый, а самый сильный.

Голос ведущего внес ясность в происходящее:

— Со старта ведет Исправный, за ним Грет Рая, третий Купец. Бег по-прежнему ведет Исправный. Фаворит выходит на вторую позицию, первая четверть пройдена за тридцать две и одну десятую секунды. Купец выходит на первую позицию. За ним Исправный. Вторая четверть пройдена за тридцать две и шесть десятых секунды. Ведет Исправный, за ним Грет Рая, Фаворит...

Первый круг остался позади. Рубин бежал пятым. За ним держался только Восторг, перешедший перед началом второго круга на галоп, и наезднику пришлось притормаживать его, чтобы конь вернулся к рыси.

Рубин бежал ровно, в одном темпе, уступая половину корпуса Купцу. Пашка пытался высмотреть в толпе дядю Колю, но не нашел его. Уже начался второй круг, как впереди кто-то замахал руками — это был дядя Коля. Пашка разобрал главное из того, что он кричал:

— Сынок, не бойся их! Гони его вперед! Он же просится! Возжи возьми крепче, он это почувствует!

— Третья четверть пройдена за тридцать две и три десятых секунды. Ведет Исправный, за ним Грет Рая, Фаворит, на четвертом месте Купец, на пятом Рубин, — голос ведущего определил места.

Пашка подобрал вожжи и подхлестнул Рубина, заметив, как тот несколько раз перед этим кивнул.

Рубин только этого и ждал — он стал чаще перебирать ногами и по внешнему кругу обошел Купца, поравнялся с Фаворитом.

— Четвертая четверть пройдена за тридцать две и шесть десятых секунды. Забег ведет Грет Рая, за ней Исправный, на третье место переходит Рубин...

До лидеров два корпуса. Какое-то время Рубину не удавалось приблизиться, но он снова потянулся вперед мордой, и Пашка подхлестнул его. Расстояние стало сокращаться.

Зрители ликовали, предвкушая кульминацию забега.

Пашка чувствовал, как Рубин всё чаще начинает переступать копытами. Он видел, как оглядывается наездник, управляющий Исправным, как он начал хлестать коня нагайкой, но всё было бесполезно — Рубин набрал резвый ход, а Исправный оказался позади.

Кобыла Грет Рая славилась тем, что на последней четверти набирала сумасшедшую скорость, мало кто мог с ней в этом соперничать, но мало кто знал и возможности Рубина. Когда он оказался на одной ленточке с лидером забега, кто-то с трибуны присвистнул:

— Что творит этот звездный парень! Давай же! Чуток поднажми!

Последний вираж. Легкая и стремительная Грет Рая, почуяв победу, увеличила темп бега и на вираже вырвалась вперед.

И вот финишная прямая. Грет Рая бежит быстрее ветра, но Рубин не отстает и всего-то позади на полголовы. Пашке показалось — конь кивнул, просясь вперед. Интуитивно угадав посыл рысака, он снова подстегнул его вожжами. Качалка дернулась. Пашка закрыл глаза, подумав, что Рубин сбился с рыси, а потом в голове пронеслось: «И всё-таки бега — не для слабонервных...»

Прозвучал гонг, в следующую секунду голос ведущего объявил:

— Забег выиграл четырехлетний орловский рысак Рубин, принадлежащий частному владельцу Егору Савельевичу Тарасову, село Алтайское...

Пашка не сразу поверил словам диктора. Он видел, как к нему, прихрамывая, бежал дядя Коля. На глазах у него блестели слезы.

— А я что говорил? Толковый конь! А ученик-то каков! Замни его! Прокатись несколько кружков!

Егор Савельевич принимал поздравления. Улыбка не сходила с его лица. Подходили заводчики, владельцы коней хлопали по плечу, жали руку, интересовались, откуда привезли рысака.

Потом было награждение. Сам глава администрации вручил Пашке памятный кубок, почетную грамоту и белый конвертик с денежным вознаграждением. Рядом, светясь от счастья и немного конфузясь, стояли дядя Коля и, с гордо поднятой головой, — Егор Савельевич.

Продолжение следует.